

С Л О В О

при погребеніи бывшаго Преподавателя Тамбовской Семинаріи
Димитрія Николаевича Тростянскаго.

Блаженни мертви, умирающе о Господь, ей, глаголетъ Духъ, да почиетъ отъ трудовъ своихъ. (Апок. XIV, 13).

«Мертви, умирающіи, смерть» — какъ непріятно для насъ звучать эти слова! Кто изъ насъ, слуш., когда нибудь серьезно со вниманіемъ подумалъ о смерти? Мы отстраняемъ эту мысль, всѣми мѣрами заглушаемъ ее, когда она неотвязно предстаетъ предъ нами и обращаетъ невольно наше вниманіе. Нужно позаботиться объ устройствѣ своей жизни, о настоящемъ кускѣ хлѣба, объ удовольствіяхъ... Гдѣ тутъ думать о смерти! Совершенно некогда. Да если и остается нѣсколько минутъ, часовъ, то не ужели же тутъ думать о смерти? Смерть такъ страшна, разстаться съ родными, знакомыми, съ этой земной суетой такъ жалко, что думать объ этомъ слишкомъ непріятно, просто жалѣешь себя, боишься помрачить короткія минуты покоя и счастья. Отчего же это смерть для насъ такъ страшна? Правда ли, что настоящая жизнь — благо, а смерть зло? Хорошо ли дѣлаемъ мы, когда думаемъ только о настоящей жизни и боимся, а иногда и просто не желаемъ заглянуть въ ту жизнь, что будетъ за гробомъ? Это вопросы насущные, и ихъ долженъ задать и разрѣшить каждый изъ насъ, слушат. Что же, если окажется, что настоящая жизнь ни въ какомъ случаѣ не должна овладѣвать нашимъ вниманіемъ, а иначе намъ придется дать отвѣтъ предъ Богомъ? Что, если окажется, что главною мыслью нашею должна быть загробная жизнь, а настоящая жизнь есть только приготовленіе къ ней? Вѣдь за наше нерадѣніе, за наше нежеланіе подумать о такихъ самыхъ важныхъ въ жизни чловѣка вопросахъ мы получимъ достойное наказаніе отъ пра-

восуднаго Бога. Но мало этого; не упрекнетъ ли насъ за это совѣсть? Не будемъ ли мы досадовать на себя и на другихъ, когда подъ конецъ жизни убѣдимся на опытѣ, что настоящая жизнь вовсе не такъ хороша, какъ она казалась съ перваго раза, что она сама по себѣ совершенно безцѣнна и получаетъ только смыслъ и значеніе въ связи съ загробной жизнью? Тогда поздно будетъ, слуш. Нужно заранѣе подумать, необходимо опредѣлить свои отношенія къ этой земной жизни и загробной, одѣнить и ту и другую по ихъ достоинствамъ.

Что такое настоящая жизнь? Какая то безцѣльная суета. Мы часто все желаемъ, къ чему то все стремимся, чего то хотимъ достигнуть... А за чѣмъ нужно намъ то, къ чему мы стремимся? Стоитъ ли этому посвящать цѣлую жизнь? Одинъ изъ насъ всю жизнь бьется какъ бы повеселѣе прожить, побольше получить удовольствій. Но что же выходитъ? Нынѣ повеселился, завтра попираваль... Это наскучаетъ; онъ выдумываетъ новыя удовольствія, но эти не удовлетворяютъ, опять скука, пустота... И такъ до тѣхъ поръ, пока смерть не перерветъ этой тревожной, но безцѣльной, пустой жизни. Другой хочетъ добиться власти, славы... но тутъ случается тоже самое. Все хочется выше и выше... все новыя заботы, тревоги, безпокойства до самой смерти, а тамъ... прошелъ мѣсяць, годъ, другой и вся наша жизнь, власть и слава забыты. Ну, стоитъ ли всю жизнь безпокоиться, достигать чего то за тѣмъ, чтобы все это сбылось, исчезло?! Иной пожалуй хочетъ все узнать, все изучить. Въ концѣ концовъ однако приходится самому неутомимѣйшему труженнику признаться, что онъ ничего не знаетъ, что невозможно объять мыслью всю вселенную и проникнуть въ планы Божества. Многіе поглащены заботами о хозяйствѣ. Но заслуживаетъ ли хозяйство того, чтобы ради него все остальное позабыть, не радѣть даже о спасеніи своей души? Очевидно нѣтъ. Хлопочи, суетись, а чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ эти заботы, старанія пропадутъ напрасно; что нами приобрѣталось,

то перейдетъ въ руки другихъ, можетъ быть, совершенно неизвѣстныхъ намъ людей, что оберегалось, то очень можетъ случиться, рушится... Къ чему же все это? Изъ за-чего мы всѣ суетимся? Нѣтъ ни какой цѣли, и на одну минуту счастья, довольства цѣлые дни, мѣсяцы... безпокойства и печали. Не даромъ премудрый Соломонъ, все извѣдавшій на опытѣ, сказалъ про эту жизнь: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). А что тамъ? что будетъ съ нами послѣ этой хлопотливой жизни? Какой отвѣтъ дадимъ мы передъ грознымъ Судіей? Что будетъ служить нашимъ оправданіемъ? Вѣдь насъ ожидаютъ невообразимыя муки, вѣчныя страданія! Вѣчныя!—а что такое наша жизнь въ сравненіи съ вѣчностью?! *Нара*, говоритъ Ап. Іаковъ, *яже въ малъ является, потомъ же исчезаетъ* (IV, 14). Стоитъ ли изъ за нея хлопотать, когда она менѣе, чѣмъ мигъ, въ сравненіи съ загробной жизнью? Нѣсколько минутъ удовольствія, и вѣчность мукъ! и мы мѣняемъ одно на другое. Гдѣ нашъ разумъ? Но этого еще мало. Думаемъ ли мы, какъ оскорбляемъ Бога своимъ безразсудствомъ? Вѣдь Богъ добрѣ всякаго земнаго отца, отъ Него мы постоянно получаемъ неизчислимыя благодѣянія. Какъ же мы благодаримъ Его за это!... Итакъ простой, безхитростный взглядъ на нашу жизнь и долгъ благодарности къ Богу побуждаютъ насъ признать, что жизнь на землѣ сама по себѣ не заслуживаетъ нашего вниманія и всецѣлой любви. Загробная жизнь—вотъ наша цѣль. Проникнемся этимъ взглядомъ, и смерть потеряетъ свое страшное значеніе. Она только переходъ отъ худшаго къ лучшему, отъ временнаго къ вѣчному, отъ суеты и заботы къ покою и созерцанію Бога. Тогда съ полнымъ сочувствіемъ, съ полнымъ сознаніемъ мы повторимъ слова: *Блаженни мертви, умирающіе о Господѣ, ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ*.

Предъ нами одинъ изъ такихъ мертвыхъ. Его смерть не производитъ на насъ тяжелаго, гнетущаго впечатлѣнія. Съ

самоувѣренной радостію мы чаемъ, что душа его наслаждается лицезрѣніемъ Бога, Который былъ такъ близокъ къ его душѣ, къ его сердцу во время его тяжелой продолжительной болѣзни. Всю жизнь онъ провелъ въ трудахъ, всегда честно исполнялъ свои обязанности, любилъ людей, дѣлалъ для нихъ все, что только могъ. Что можетъ быть лучше этого! Похвала ему—въ его чувствахъ и дѣлахъ. Да почиетъ отъ трудовъ своихъ. Аминь.

Михаилъ Грибановскій.

